

Фигура монарха в политической философии

Данте Алигьери

Жулев В. В.,
магистр философии (РГГУ),
wladislawking@gmail.com

Аннотация: Цель этой статьи заключается в анализе фигуры монарха, представленной в *De Monarchia* Данте. Исследование политического проекта Данте даст возможность увидеть изменения, произошедшие в интеллектуальной среде позднего Средневековья, — в первую очередь это связано с отказом от теократической концепции правителя. Исследование политического словаря Данте продемонстрирует то, как старые значения ряда понятий вновь стали играть центральную роль в политической философии, изменяя ее.

Ключевые слова: секуляризация, этика, политика, *princeps*, *auctoritas*, *virtus*.

Исследование мы начнем с указания на одну особенность духа времени Данте Алигьери (1265–1321 гг.). Ю. Л. Бессмертный в своей работе «Жизнь и смерть в Средние века» убедительно доказал, что еще в XII–XIII вв. наметилась тенденция рассматривать имманентную жизнь как нечто самоценное, что противоречило церковной трактовке¹. В XIV–XV вв. эта тенденция только усиливается — люди все больше предпочитают данное им здесь вечному, ремесленники осмысливают свою жизнь уже как то, что приносит радость, время жизни несет возможность наслаждений, а тема вечной жизни уходит на второй план². Конечно, здесь идет речь не о гедонизме, а о том, что повседневные заботы жизни приобретают самостоятельную ценность в мировоззрении горожан — это означает, что теперь человеческая деятельность освобождается от столь пессимистической оценки, которая была характерна для раннего Средневековья³. Не будет ошибкой указать, что для

---

¹ Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. — М.: Наука, 1991. — С. 130–135.

² Там же. С. 143–194. Также по этой тематике см. Шпрандель Р. Индивид и группа в эпоху чумы / *Notio Historicus*: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: В 2 кн. / Отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2003. — С. 292–303.

³ Это мировоззрение прекрасно выразил Данте:

«О христиане, гордые сердцами,
Несчастные, чьи тусклые умы
Уводят вас понятными путями!
Вам невдомек, что только черви мы,
В которых зреет мотылек нетленный,
На божий суд взлетающий из тьмы».

позднего Средневековья характерна секуляризация мировоззрения как бюргеров, так и интеллектуальной среды. Это не значит, что люди в одночасье перестали верить, речь идет о процессе медленного вытеснения религии из различных сфер, в том числе и из политики.

Эту революцию мировоззрения лучше всего демонстрирует творчество самого Данте Алигьери. Прежде чем мы обратимся к произведениям великого флорентийца, следует заметить, что Данте Алигьери был не только великим поэтом, но достаточно заметным политиком Флоренции в судьбоносные для города времена. В конце XIII в. движение пополанов (множество, включавшее себя как простых ремесленников, так и богатых купцов) приобрело достаточные силы, чтобы открыто выступить против грандов — старого дворянства. В 1293 г. принимаются «Установления права», а позже и дополнения к ним, тем не менее принятый документ не разрешил всех противоречий — оптиматы были недовольны потерей власти, в то же время большая часть пополанов — «тощий народ» — роптала, поскольку желала получить власть на равных правах с другой частью пополанов — «жирным народом». В 1295 г. произошло восстание «тощего народа», оно не смогло достигнуть своих целей, а подтолкнуло купеческую верхушку на сближение с грандами. В результате этих событий произошло разделение на две партии — белые, включавшие в себя верхушку пополанского движения, умеренных гвельфов и гибеллинов, и черные гвельфы, желавшие восстановления дворянского управления. В противостоянии белых и черных вмешался папа Бонифаций VIII, который активно поддерживал черных гвельфов. В 1300 г. черные гвельфы попытались осуществить переворот, но энергичные действия белых, в число которых входил и Данте⁴, не позволили восторжествовать дворянской реакции. На следующий год ситуация резко изменилась, и за спиной черных гвельфов находилось не только папское благословение, но и войска Карла Валуа, что изменило настроения среди пополанской верхушки. Несмотря на желание низов с оружием в руках отстаивать свои права и свободы, купцы и умеренная аристократия согласились открыть ворота своему врагу. Итальянского Куртре так и не произошло, но именно в этот момент Данте был на стороне «тощего народа», призывая совет приоров опереться на народ⁵. Позиция Данте не осталась незамеченной его врагами, и в 1302 г. поэт был изгнан из Флоренции. Политические события 90-х годов XIII в., произошедшие во Флоренции, оказали значительное влияние на Данте, не составит труда найти в «Божественной комедии» места, отсылающие к произошедшему.

Анализ политической философии Данте мы начнем со 2-й книги «Пира». В этом трактате Данте представляет свою иерархию всех наук. В начале дается вполне традиционная иерархия небес из 8 небес — от неба Луны до неба Звезд, далее к нему прибавляется еще два — Кристальное и Эмпирей, о котором Данте делает примечательное

Божественная комедия / Пер. М. Лозинского; Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; примеч. И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского; ил.: С. А. Данилов. — М.: Наука, 1967. — С. 200.

⁴ Данте был среди тех, кто осудил на изгнание в 1300 г. вождей черных гвельфов. См. Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. — М.: Наука, 1965. — С. 96.

⁵ Там же. С. 97.

добавление: «За пределами всех этих небес католики помещают еще одно небо»⁶. Под этими небесами имеются ввиду науки⁷, таким образом, первые семь небес заключат в себе науки тривиума и квадравиума, восьмое небо — физика и метафизика, девятое — этика, последнее — богословие⁸. Иерархия наук, на первый взгляд, вполне традиционна — вершину тривиума и квадравиума составляет теология, но бросается в глаза высокое положение этики, которая оказалась выше метафизики. Утверждение первенства дисциплины, ориентированной на деятельность, перед наукой созерцательной не было известно до Данте. Более того, поставить физику и метафизику в один ряд — идея уникальная. У Аристотеля отношения между физикой и первой философией имеют вертикальный характер, поскольку иерархия трех умозрительных наук согласно «Метафизике» выстраивается в соответствии с ценностью предмета⁹. В «Физике» Аристотель также подчеркивает первенство первой философии¹⁰. Заложенная Аристотелем традиция, в рамках которой метафизика обладала высоким статусом, никогда прежде не оспаривалась¹¹. Если мы обратимся к определению физики и метафизики, данному Данте, то обнаружим традиционное понимание: физика занимается движущимися предметами, которые видимы, т. е. чувственно познаваемы, метафизика — сущностями нетленными и недоступными нашим чувствам¹².

Обоснование столь высокого положения этики строится на аналогии нравственной философии с перводвигателем (Кристалльное небо). Этика, согласно комментарию Данте, определяет порядок наук¹³, согласно же Аристотелю, определяет «изучение наук и повелевает не оставлять уже изученное¹⁴». Эта упорядочивающая функция присуща и перводвигателю, без которого «поистине не было бы на земле ни размножения, ни животной или растительной жизни; не было бы ни ночи, ни дня, ни недели, ни месяца, ни года, но вся Вселенная лишилась бы порядка, и движение других небес совершалось бы понапрасну»¹⁵. Так и без нравственной философии все науки были бы скрыты от человека, поскольку не было бы основания к ним стремиться. Вместе с этим следует вспомнить начало трактата, в котором Данте, опираясь на «Метафизику» Аристотеля, утверждает, что все люди стремятся к познанию, которое «есть высшее совершенство нашей души», это же является и высшим блаженством, к которому мы стремимся согласно нашей

⁶ Данте Алигьери. Пир // Малые произведения — М.: Наука, 1968. — С. 139.

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Данте Алигьери. Пир // Малые произведения — М.: Наука, 1968. С. 155–156.

⁹ Аристотель. Метафизика // Сочинения. В 4 т. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. — М., «Мысль», 1976. — С. 285–286.

¹⁰ Аристотель. Физика // Сочинения. В 4 т. Т. 3: Перевод / Вступ. статья и примеч. И. Д. Рожапский. — М.: Мысль, 1981. — С. 342.

¹¹ Так, например, Фома Аквинский говорил следующее: «Все науки и все искусства имеют целью одно и то же: совершенство человека, в коем состоит его блаженство. Стало быть, необходимо, чтобы одна из них управляла всеми прочими: та, которая с полным правом притязает называться мудростью, ибо она исследует наиболее универсальные начала и причины. Эта наука также наиболее интеллектуальна из всех, и следовательно, устанавливает правила для всех остальных: *est aliarum regulatrix*». Цит. по Жильсон Э. Данте и философия. / Пер. с французского Г. В. Вдовиной — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — С. 131.

¹² Данте Алигьери. Пир // Малые произведения — М.: Наука, 1968. — С. 160.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 161.

природе¹⁶. Наше познание есть не что иное, как стремление к различным наукам, которых возможно достичь только благодаря принуждающей силе этики. Таким образом, высшее блаженство доступно человеку только благодаря нравственной философии. Также, исходя из краткого исторического очерка, следует принять интерпретацию Э. Жильсона — для Данте такие практические дисциплины, как этика и политика, имеют первостепенное значение, поскольку он живет в городе, охваченном политическим кризисом, и играет в общественной жизни заметную роль, то первостепенное значение приобретает повседневная жизнь с ее заботами¹⁷. В физике и метафизике не найти утешения, когда стоит вопрос об изгнании. В этом следует видеть еще одну причину возвеличивания статуса нравственной философии. Таким образом, без всех сложностей общественной жизнь городской коммуны Флоренции творчество Данте приобрело бы иной характер.

Переходя к анализу *De Monarchia*, следует отметить, что разбор фрагмента «Пира», посвященного положению этики, позволит прояснить ряд ключевых мест «Монархии» Данте. Проблема, стоящая перед нами, выражена в названии данной части — обоснование секулярной области жизни, есть ли та сфера, в которой мы руководствуемся не духовными наставлениями? Ответ Данте, о котором речь пойдет далее, симптоматичен и свидетельствует о том, что процесс «расколдовывания» уже идет полным ходом.

Рассуждения Данте начинаются с постулирования наличия *materia politica* (политическая материя), к которой относится *temporalis Monarchia*, понимаемая как империя¹⁸. Что же подразумевается под этой материей? Все вещи можно разделить на два вида, первые не находятся в нашей власти, но открыты для созерцания, вторые же подчинены, и потому мы не только можем их познавать, но и производить действия над ними¹⁹. Причем Данте добавляет насчет последних: «В отношении их не действие совершается ради созерцания, а созерцание ради действия, ибо здесь действие есть цель»²⁰. Политическая материя, являющаяся источником правильных политий²¹, принадлежит вещам второго порядка, т. е. находится в нашей власти и созерцаема для действия. Какова же подлинная цель всех действий, которые осуществляются над *materia politica* всем человеческим родом?

---

¹⁶ Там же. С. 112.

¹⁷ Жильсон Э. Данте и философия. / Пер. с французского Г. В. Вдовиной. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — С. 134.

¹⁸ «Est ergo temporalis Monarchia, quam dicunt «Imperium», unicus principatus et super omnes in tempore vel in hiis et super hiis que tempore mesurantur». Dante Alighieri *Monarchia* // *Opere minori* Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 522, 524.

¹⁹ Данте Алигьери *Монархия*. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 23.

²⁰ Там же.

²¹ Cum ergo materia presens politica sit, ymo fons atque principium rectorum politiarum, et omne politicum nostre potestati subiacet, manifestum est quod materia presens non ad speculationem per prius, sed ad operationem ordinatur. Dante Alighieri *Monarchia* // *Opere minori* Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 526.

Поскольку отличительной особенностью человека является наличие разума (возможного интеллекта)²² и познание во всей своей совокупности лишь частично может быть дано одному индивиду, то для того, чтобы познание перешло из потенции в действительность, необходимо действие максимально возможного количества возможных интеллектов²³. Проще говоря, все, что может быть познано, никогда не может стать доступным только одному, для этого необходима коллективная работа разумов. При этом размышляющий разум не ограничивается только познанием всеобщего, он также применяется к частным явлениям, но уже не с целью созерцания, а для активной деятельности — созидания, поэтому Данте говорит, что размышляющий разум расширяется и становится практическим интеллектом²⁴. Таким образом, с одной стороны, осуществляется процесс познания и происходит кумулятивный прирост знаний, с другой же — на основании полученных знаний осуществляются действия.

Для осуществления вышеназванного необходимо, чтобы люди пребывали в состоянии мира, ведь разногласия и конфликты уведут человечество от подлинной цели, поскольку в таком случае человек более всего обеспокоен за собственную жизнь, потому что постоянно включен в борьбу с другим. Следовательно, говорит Данте, всеобщий мир и есть то средство, посредством которого человеческий род доходит до своей цели²⁵. Каким же образом можно установить всеобщий мир? Для этого необходимо учреждение империи над человечеством — верховной власти, заключенной в руках императора²⁶. Дантовского императора следует уподобить судье, поскольку главная его функция — осуществление суда при раздорах. Император, имея высшую власть, ведь в противном случае ему бы не подчинялись другие правители²⁷, осуществляет справедливость во всем человечестве, поскольку сам обладает ей²⁸ и потому способен воздавать всем по их заслугам. Наличие верховной власти позволяет человечеству (а также человеку в частности) реализовывать свободу, поскольку только человечество, возглавляемое монархом, может жить ради себя, т. е. движется путем познания к блаженству²⁹. В противном случае жизнь людей подчинена чужой воле, целью которой является частное благое.

---

²² «Итак, специфическим свойством человека является не само бытие как таковое, ведь этому последнему причастны и элементы; и не тот или иной состав, потому что он обнаруживается и в минералах; и не одушевленность, потому что она есть и в растениях; и не способность представления, потому что ею наделены и животные; таковой является лишь способность представления через посредство «возможного интеллекта»; последняя черта не присуща ничему, отличному от человека, — ни стоящему выше, ни стоящему ниже его». Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 26.

²³ Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 26–27.

²⁴ Там же. С. 27.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ «И так как один не ведает другого, так как один другому не подчиняется (ведь равный не подвластен равному), должен быть кто-то третий, с более широкими полномочиями, главенствующий над обоими в пределах своего права». Там же. С. 35.

²⁸ Император выступает как тот единственный, кто уже ничего не желает больше, чем у него уже есть: «Но монарх не имеет ничего, что он мог бы желать, ведь его юрисдикция ограничена лишь Океаном». Там же. С. 39.

²⁹ Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 41–44.

Короткий разбор первой книги «Монархии» показывает, что Данте, обращаясь к античной политической философии и во многом следуя логике «Политики» и «Никомаховой этики», тем не менее выстраивает свою оригинальную философию. Для нашего исследования в первую очередь важно то, что высшая власть — империя/монархия вызвана в первую очередь природной необходимостью. Таким образом, монарх оказывается слугой человеческого рода³⁰, власть — это лишь средство, посредством которого человечество достигает высшего земного блага — знания, даваемого семью свободными искусствами, а также физикой, метафизикой и этикой. Примечательно, что духовная материя четко отделена от политической, как и само светское знание, представленное в «Пире», отделено от теологии, которая не царит над философией.

Если мы двинемся дальше, то обнаружим утверждение идеи двух независимых сфер — светской и духовной, которая была эксплицитно выражена Данте в 3-й книги «Монархии». Обоснование данного разделения, представленное в XVI главе последней книги, следующее: поскольку человек занимает промежуточное положение между тленным и нетленным, ведь в нем тело принадлежит первому, а душа последнему, то он должен быть причастен двум различным природам, имеющим свои не равные друг другу конечные цели³¹. Таким образом, человек, как единственное существо, принадлежащее к этим двум природам, также имеет две цели. Первая — «блаженство здешней жизни, заключающееся в проявлении собственной добродетели и знаменуемое раем земным», и вторая — «блаженство вечной жизни, заключающееся в созерцании божественного лика, до которого собственная его добродетель подняться может не иначе, как при содействии божественного света, и об этом блаженстве позволяет нам судить понятие небесного рая»³². Называть земным раем посюстороннюю жизнь человека, на которую он был обречен вследствие первородного греха, уже само по себе свидетельствует о масштабных изменениях в мировоззрении, но поразительно и то, что Данте отстаивает принципиальную независимость двух сфер — земного блаженства человек достигает посредством средств, данных природой, здесь не требуется ничья благодать, *deus ex machine* не появляется, чтобы даровать нам блаженство временной жизни. Какими средствами мы можем достигнуть земного и небесного блаженств? Ответ Данте идентичен тому, что уже был дан в первой книге: первый путь открывается благодаря человеческому разуму, поскольку мы разумны, то нам доступны моральные и интеллектуальные добродетели, позволяющие избрать верный путь³³. Именно здесь этика, понятая в смысле Данте, начинает играть особую роль, поскольку принуждает нас использовать разум для познания. О том, как достичь блаженства небесной жизни, Данте говорит в традиционном ключе: здесь истина, имеющая сверхъестественный характер,

---

³⁰ Об этом прямо говорит Данте: «Ведь не граждане существуют ради консулов и не народ ради царя, а наоборот, консулы ради граждан и царь ради народа. Ведь так же, как государственный строй не устанавливается ради законов, а законы устанавливаются ради государственного строя, так и живущие сообразно законам не столько сообразуются с законодателем, сколько этот последний сообразуется с ними». Там же. С. 44.

³¹ Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: КАНОН-пресс-Ц — «Кучково поле», 1999. С. 134–135.

³² Там же. С. 135–136.

³³ Там же. С. 136.

сообщена человечеству посредством Бога-Сына — Иисуса Христа и его учеников³⁴. Для достижений этих двух целей одного только разума недостаточно, поскольку для человека характерно иметь пороки, то ему нужно руководство на этих двух путях, так, к вечной жизни его ведет римский первосвященник, а к земному счастью — император, руководствующийся философскими наставлениями³⁵.

Теперь мы можем перейти к главному предмету исследования — фигуре монарха, которого Данте называет императором и принцепсом. Размышления Данте, построенные вокруг монарха, не отличаются строгостью, здесь наличествуют такие выражения, как «помазанник»³⁶ и «слуга»³⁷. Более того, нам не составит труда найти тезис о божественном вмешательстве в дела избрания императора³⁸, что в совокупности с «помазанником» позволяет сделать вывод об исключительно божественном происхождении власти монарха/императора/принцепса. Если это так, то мысль Данте не столь оригинальна, поскольку каждый германский император считал, что власть даруется ему непосредственно Богом. На наш взгляд, фигура монарха Данте не столь проста, и далее мы попытаемся показать, почему не следует спешить с выводами.

Возьмем упоминаемое нами слово «помазанник», которое Данте употребляет для характеристики римского принцепса. По этому поводу следует заметить, что оно используется лишь один раз и только во 2-й книге. Русский перевод вводит в заблуждение, поскольку в нем употребляется это слово три раза³⁹, из-за неточности в переводе, так, предложение «Astiterunt reges terre, et principes convenerunt in unum, adversus Dominum et adversus Cristum eius» было переведено как «Восстают повелители земли, и князья соединились вместе против Господа и против помазанника его», как видим, в оригинале речь идет о Христе⁴⁰. Таким образом, все размышления, которые строились бы вокруг фигуры помазанника, являлись бы спекулятивными и архаизировали взгляд Данте, что привело бы к неверной интерпретации.

Тем не менее, проблема не снимается — «священный принципат» (*sacratissimi principatus*)⁴¹, т. е. власть императора, как и власть римского понтифика, установлены Богом, сверх того, если мы присовокупим вышеназванный фрагмент, то получим, что

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. С. 136–137.

³⁶ «Adversentur Domino suo et Uncto suo, romano principi». Dante Alighieri. *Monarchia // Opere minori Vol. II*. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 610.

³⁷ «Hinc etiam patet quod, quamvis consul sive rex respectu vie sint domini aliorum, respectu autem termini aliorum ministri sunt, et maxime Monarcha, qui minister omnium proculdubio habendus est.». Там же. С. 584, 586.

³⁸ «Один Бог избирает, один он утверждает, ибо над ним нет высшего. Отсюда далее можно сделать вывод, что титул выборщика не принадлежит ни тем, кто носит его в настоящее время, ни тем, кто мог им пользоваться в прошедшие времена; и что скорее следует считать их глашатаями божественного провидения». Данте Алигьери. *Монархия*. / Пер. с итал. В. П. Зубова; комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 137.

³⁹ «Восстают правители земли, и князья соединились вместе против Господа и против помазанника его». «Я горевал, что короли и правители, единые в этом пороке, противились своему владыке и помазаннику римскому властителю». Там же. С. 54. И вновь Данте повторяет: «Восстают повелители земли, и князья соединились вместе против Господа и против помазанника его». Там же. С. 55.

⁴⁰ Для сравнения английский перевод: «The kings of the earth have arisen, and the princes have gathered together against the Lord and against his Christ». Dante. *Monarchy / translated and edited by Prue Shaw / Cambridge texts in the history of political thought*. London Cambridge University Press, 1996. P. 30.

⁴¹ Dante Alighieri. *Monarchia // Opere minori Vol. II*. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 696.

институт выборщиков не может установить легитимную власть, что явно противоречит, например, как Партидам⁴², так и «Золотой булле»⁴³. На это следует возразить следующим образом. Все эти суждения присутствуют в 3-й книги «Монархии», целью которой является ответ на вопрос: «Зависит ли авторитет Монархии непосредственно от Бога или же он зависит от слугителя Бога или его наместника?»⁴⁴ Поставленный таким образом вопрос изначально вводит нас в плоскость спора о двух властях и концепции двух мечей, которая к этому времени стала вытесняться. Данте потребовалось вступить на поле своих оппонентов, чтобы их же средствами доказать ложность их взглядов. Об этом говорит тот факт, что в 3-й книге значительно возрастает число отсылок к Евангелию и посланиям апостола Петра, без чего практически обходились 1-я и 2-я книги. В итоге Данте опровергает метафору двух светил, которую использовал Иннокентий III в булле *Sicut universitatis*, и отрицает, что оба меча были дарованы римскому понтифику Богом⁴⁵. В связи с обсуждаемой проблемой примечателен следующий фрагмент из предпоследней главы: «*Amplius, si Ecclesia virtutem haberet auctorizandi romanum Principem, aut haberet a Deo, aut a se, aut ab Imperatore aliquo aut ab universo mortalium assensu, vel saltem ex illis prevalentium: nulla est alia rimula, per quam virtus hec ad Ecclesiam manare potuisset; sed a nullo istorum habet: ergo virtutem predictam non habet*»⁴⁶. Здесь говорится о четырех

⁴² «И эта власть есть у императора, так как он избран всеми теми, кто имеет право избирать его». Вторая Партида. Титул I. В которой говорится об императорах и королях и о прочих знатных сеньорах. Перевод со старокастильского и примечания Александра Марья // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время* / А. С. Ануфриева, М. В. Бибикина, Д. Ю. Бовыкин и др.; сост. и отв. ред. О. С. Воскобойников, О. И. Тогоева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. — С. 401.

⁴³ «После же того, как в том же месте они или большая по числу часть их совершит избрание, такое избрание должно считаться и рассматриваться так же, как если бы оно было совершено ими всеми единодушно без чьего-либо несогласия. И так как то, о чем ниже пишется, по древнему, установленному и похвальному обычаю всегда доселе нерушимо было соблюдено, посему и мы постановляем и предписываем всей полнотой данной нам императорской власти, что тот, кто вышеуказанным способом будет избран римским королем, тотчас же по окончании избрания, прежде чем он в силу власти Священной империи займется какими-нибудь другими делами или предприятиями, должен всем вместе и каждому в отдельности князьям-избирателям, духовным и светским, которые считаются ближайшими членами Священной империи, незамедлительно и беспрекословно подтвердить и одобрить своими грамотами и печатями все их привилегии, грамоты, права, вольности, пожалования, старинные обычаи, а также почетные саны и все, что они от империи получили и чем обладали вплоть до дня выборов, и все перечисленное повторить еще раз им, после того как будет коронован императорской короной. Такое подтверждение избранный сам сделает и повторит каждому князю-избирателю особо, сперва от своего королевского имени, а затем под императорским титулом, и во всем этом будет обязан всем этим князьям-избирателям вместе к каждому из них в отдельности не чинить никаких препятствий, а, наоборот, без злого умысла оказывать милостивую поддержку». *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы*. — М. Гос. изд. юр. лит. 1961. — С. 413–414.

⁴⁴ Данте Алигьери. *Монархия*. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 22–23.

⁴⁵ Один из аргументов звучит так: «Истина эта станет явной в достаточной мере, если, руководясь в исследовании намеченным началом, я покажу, что упомянутая власть зависит непосредственно от вершины всего сущего, т. е. от Бога. И это будет показано либо при условии, что власть церкви можно отделить от власти императора (поскольку о власти церкви спора нет), либо если путем прямого доказательства можно будет доказать, что власть империи зависит непосредственно от Бога. Что власть церкви не есть причина власти императорской, доказывается так. То, при отсутствии чего или при бездействии чего нечто сохраняет всю свою силу, не есть причина этой силы; но при отсутствии церкви или бездействии ее империя имела всю свою силу; следовательно, церковь не есть причина силы империи, а потому и не есть причина ее власти, поскольку сила и власть — одно и то же». Там же. С. 128.

⁴⁶ Dante Alighieri. *Monarchia* // *Opere minori* Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 670.

возможных источниках получения власти императором: первый — от Бога, второй — от церкви, третий — от другого императора, четвертый — через согласие всех смертных (*universo mortalium assensu*). Из этих способов легитимации Данте отрицает только второй, и добавляется, что право назначать императоров церкви не передавал ни Бог, ни иной император, ни народ⁴⁷. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мысль о народном суверенитете не была чужда политической философии Данте. Это следует не только из приведенного выше фрагмента, но из следующих рассуждений. Власть монарха Данте обозначает словом *auctoritas*⁴⁸, тем самым подчеркнуто выступает против устоявшегося разделения властей. Самого же монарха Данте называет чаще всего *princeps* и ни разу не употребляет слово *rex*⁴⁹ в качестве замены. Такое словоупотребление неслучайно, достаточно вновь обратиться к 1-й книге «Монархии», где Данте утверждает, что только во время принципата Августа существовала совершенная монархия, и все пребывало в мире⁵⁰. Таким образом, без непосредственного вмешательства Бога человек смог стать идеальным правителем. Следует предположить, что данное утверждение коррелирует с понятиями *princeps* и *auctoritas*. *Princeps* — это не «государь»⁵¹, этим словом во времена Цицерона обозначали выдающихся, знатных людей в Римской республике⁵², также существовало словосочетание «*princeps senatus*» — первый среди сенаторов, имевшее значение титула, который получали влиятельные граждане. Дать

⁴⁷ «Но бесспорно, что если церковь наделяла себя указанными правами, она не имела их ранее; таким образом, она дала бы себе то, чего не имела, а это невозможно. А то, что она не получила их от какого-либо императора, достаточно ясно из вышеизложенного. А кто станет сомневаться в том, что на эти права церковь не имеет согласия всех или первенствующих? Ведь не только все жители Азии и Африки, но и большая часть жителей, населяющих Европу, от этого отвращается. К тому же скучно давать доказательства вещей очевиднейших». Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 132.

⁴⁸ «*Auctoritas principalis non est principis nisi ad usum, quia nullus princeps se ipsum auctorizare potest; recipere autem potest atque dimictere, sed alium creare non potest, quia creatio principis ex principe non dependet*». Dante Alighieri. *Monarchia // Opere minori* Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. P. 724. Это же слово он использует для обозначения власти Папы Римского: «*Et ex hoc arguunt quod, quemadmodum ille Dei vicarius auctoritatem habuit dandi et tollendi regimen temporale et in alium transferendi, sic et nunc Dei vicarius, Ecclesie universalis antistes, auctoritatem habet dandi et tollendi et etiam transferendi sceptrum regiminis temporalis; ex quo sine dubio sequeretur quod auctoritas Imperii dependeret ut dicunt*». Там же. С. 718.

⁴⁹ Заметим, что Данте еще в первой книге называет фигуру, правящую миром, монархом или императором: «Но бесспорно, что весь человеческий род упорядочивается во что-то единое, как уже было показано выше; следовательно, должно быть что-то одно упорядочивающее или правящее, и это одно должно называться монархом или императором». С. 31. Словом *rex* Данте называет современных ему правителей («*regis Castelle ad illum qui regis Aragonum*»), из первой книги также становится понятно, что *rex* подчиняется императору [С. 43.], что еще раз говорит о том, что Данте разводит эти понятия.

⁵⁰ «Мы не найдем мгновения, когда мир был бы повсюду совершенно спокойным, кроме как при божественном монархе Августе, когда существовала совершенная монархия». Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. С. 53.

⁵¹ Словом «государь» («господарь») первоначально называли хозяина вотчины (наследуемый земельный надел). В XV–XVI вв. это слово перешло в политический лексикон, поскольку как нельзя лучше подходило для обозначения русских самодержцев. С точки зрения московских князей (а затем и царей) их княжество является вотчиной, которая безраздельно принадлежит одному хозяину. Ни о каком равенстве (один из ключевых компонентов *princeps*) здесь не может идти речь, поскольку люди, населяющие вотчину/государство, как правило, являлись лично зависимыми (не случайно вельможи именовали себя «холопами» при обращении к царю). См. Кром. М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — С. 198–209.

⁵² Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. — М.: Изд. Академии наук СССР, 1949. — С. 310.

четкую дефиницию этого понятия практически невозможно, поскольку оно использовалось римскими авторами для обозначения широкого круга феноменов. *Principis* — это не только знатный человек или титул, этим же словом называли некоторых консулов, понтификов, магистратов, сенаторов, а также знатных иностранцев⁵³, однако *principes* не тождественно ни одному из этих слов. В *De re publica* Цицерон называет Перикла *principes civitatis*, поскольку тот обладал *auctoritas* («авторитетом»), *eloquentia* («красноречием») и *consilium* («проницательностью/разумностью») ⁵⁴. Из этого примера мы видим, что личные характеристики Перикла позволили ему быть первым среди граждан Афин. Привело ли это к установлению его единоличного правления? Нам хорошо известно, что демократический строй в Афинах сменился только после Пелопоннесской войны. *Principes* для римлян — социально-политическое понятие, обозначающее человека, имевшего целый набор характеристик, к которому могут быть отнесены *eloquentia* («красноречие»), *virtus* («доблесть»), *sapientia* («мудрость»), *honestas* («честь»), знание политического устройства также относится к необходимому перечню⁵⁵. Таким образом, *principes* — римский гражданин, обладающий необходимым набором добродетелей и применяющий их в общественной жизни. Таковым хотел себя видеть Октавиан Август, за которым было признано обладание четырьмя ключевыми римскими добродетелями — мужеством, милосердием, справедливостью и благочестием⁵⁶. Он доказал это тем, что проявил личную инициативу — вступил в гражданскую войну ради всеобщего блага, одолел врагов республики, принес мир⁵⁷ и отдал из своей власти республику народу и сенату⁵⁸. Несомненно, в «Деяниях Августа» мы встречаемся с попыткой прикрыть крушение республики и установление единоличного правления с помощью республиканских понятий. Октавиан мудро выбирает слово *principes* для определения своего политического положения — он не тиран, подобно Цезарю, а тот, чей авторитет и личность признаны всеми. Такая трактовка изменений, произошедших после смерти Антония и окончания гражданской войны, была компромиссной — сенаторы, как и другие

⁵³ *Princeps* // *Paulys Realencyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft*. Bd. 22. Stuttgart. Alfred Druckenmüller Verlag, 1954. S. 2030, 2032–2033.

⁵⁴ «*Atque eius modi quiddam etiam bello illo maximo quod Athenienses et Lacedaemonii summa inter se contentione gesserunt, Pericles ille et auctoritate et eloquentia et consilio princeps civitatis suae...*» М. Тুলли Цицеронис. *De re publica, De legibus. Cato Maior De senectute. Laelius De Amicitia*. Ed. J. G. F. Powell Oxford Classical Texts. — Oxford. Oxford University Press, 2006. P. 18–19. Перевод: «Нечто подобное, по преданию, произошло и во время той величайшей войны, которую афиняне и лакедемоняне вели между собой, напрягая все свои силы: знаменитый Перикл, первый в своем государстве по авторитету, красноречию и мудрости». Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. с лат. / Изд. подгот. И. Н. Веселовский [и др.]. — М.: Наука, 1966. — С. 15.

⁵⁵ *Princeps* // *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike* / hrsg. Von Hubert Cancik und Helmuth Schneider. Bd. 10. Pol-Sal. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 328.

⁵⁶ «За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Августом, дверные косяки моего дома были всенародно украшены лаврами, над входом был прикреплен гражданский венок, а в курии Юлия был установлен золотой щит с надписью, гласящей, что сенат и народ римский даровали мне его за доблесть, милосердие, справедливость и благочестие». Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Сост.: И. А. Гвоздева, И. Л. Маяк, А. Л. Смышляев и др.; под ред. В. И. Кузинщина. — М.: Высш. шк., 1987. — С. 172–173.

⁵⁷ В XIII главе «Деяний» подчеркивается, что Август установил мир по всей «*imperium populi Romani*». Там же. С. 168–169.

⁵⁸ «В 6-е и 7-е консульства, после того как я потушил гражданские войны, владея при всеобщем согласии высшей властью, я передал государство из своей власти в распоряжение сената и народа римского». Там же. С. 172.

знатные римляне, довольствовались тем, что власть Августа осуществлялась в рамках существующего права, *princeps* же мог опереться на римскую аристократию для управления огромной империей.

Уже позднее понятие *princeps* стало тесно связано со *statio* — словом, пришедшим из военного лексикона и ставшим обозначать обязательство заботиться о благополучии граждан⁵⁹. Человек мог принять этот пост только с согласия всех, так, об императоре Гальбе Тацит пишет: «Когда был он простым гражданином, все считали (*omnium consensu*) его достойным большего и полагали способным стать императором, пока он им не стал» [Тацит. 1993. С. 405]⁶⁰. Таким образом, мы видим, что *princeps* — это не только знатный человек, обладающий определенными добродетелями и готовый взять на себя заботу об общем благе, но и тот, кто нуждается в согласии граждан, т. е. элемент признания является сущностно необходимым. Созданная Августом концепция принципата плохо сочеталась со стремлениями последующих императоров, поскольку власть *princeps*, как мы уже убедились, не могла быть передана по наследству, фигура *princeps* плохо сочеталась с божественным культом последующих императоров, не довольствовались римские властители и тем, что *princeps* оставался в рамках права, т. е. слово Августа не могло быть законом. Все это привело к тому, что к III в. римские императоры отказались от концепции принципата. Однако слово *princeps* осталось в обороте и обозначало римского императора⁶¹. Если мы откроем *De civitas Dei*, то обнаружим, что Августин называет главаря шайки разбойников *princeps*: «*Manus et ipsa hominum est, imperio principis regitur, pacto societatis astringitur, placiti lege praeda dividitur*», но в этой же 4-й книге это понятие имеет привычный смысл: «*Cur temperantia dea esse non meruit, cum eius nomine nonnulli Romani principes non parvam gloriam compararint?*»⁶² Т. е. для Августина *princeps* обозначает человека, стоящего во главе какого-либо общества, не столь важно, будет ли это группа разбойников или Римская империя. Если мы двинемся дальше ко времени Каролингов, то обнаружим, что слово *princeps* часто заменяет слово

⁵⁹ *Principes* // *Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike* / hrsg. Von Hubert Cancik und Helmut Schneider. Bd. 10. Pol-Sal. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 329–330.

⁶⁰ «*Maior privato visus dum privatus fuit, et omnium consensu capax imperii nisi imperasset*». Tacitus Cornelius *Historiae* / ed. Erich Koestermann Tom. II. Fasc. I. Leipzig. B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1969. S. 28.

⁶¹ Римский историк IV в. Аврелий Виктор называет императора Констанция II (337–361 гг.) принцепсом: «*Quod maxime cognitum e nostro principe; quem tamen, quo minus statim in hostes alios ad Italiam contenderet, hiems aspera clausaeque Alpes tardavere*». *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana*. Editio C. Tauchnitzii stereotypa novis chartis impressa. — Lipsiae: Sumptibus succ. O. Holtze, 1892. P. 118. Перевод: «Это особенно видно на примере нашего принцепса; однако суровая зима и недоступные Альпы задержали его и не дали немедленно отправиться в Италию против других врагов». Римские историки IV века. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. С. 121–122.

⁶² *Patrologiae cursus completus. Tomus XLI. S. Aurelii Augustini. Accurante J.-P. Migne*. — Lutetia Parisiorum. 1845. P. 113, 127. Перевод: «И они также представляют собою общества людей, управляются властью начальника, связаны обоюдным соглашением и делят добычу по добровольно установленному закону». «Почему не удостоилась быть богиней умеренность, коль скоро благодаря ей некоторые римские государи снискали немалую славу?» Августин Блаженный. О Граде Божием. Книги I–XIII / Творения: В 4 т. Т. 3. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — С. 150, 169.

rex⁶³. Что говорит о том, что значения этого слова, связанные с республиканским контекстом, были забыты, *princeps* стал обозначать любого правителя, будь он королем, императором, графом, герцогом и т. д. Это небольшое исследование истории понятия *princeps* позволит нам увидеть, какие старые значения неожиданно заработали в политической философии Данте Алигьери.

Мы уже ранее убедились, что *princeps* или монарх Данте — это правитель, имеющий верховную власть, гарантирующий мир, свободу и справедливость. Еще раз отметим, что Данте называет свою универсальную монархию принципатом. Требование мира, как правило, связывают с размышлениями Августина, представленными в XIX книге *De civitas Dei*, тем не менее, исходя из текста «Монархии», становится очевидным, что Данте дает оригинальную трактовку необходимости всеобщего мира. Оставшиеся понятия — свобода и справедливость — являются традиционными требованиями, предъявляемыми римским *principibus*. Первоначальное значение *princeps* — «человек, выделяющийся добродетелями», — также проявляется у Данте, поскольку только такой человек может быть достоин называться главой рода человеческого. Обратим внимание на один фрагмент из 3-й книги «Монархии», в котором Данте, доказывая независимость императорской власти от церкви, говорит: «Сила и власть — одно и то же» [Данте. 1999. С. 128]. В оригинале эта фраза звучит так: «*Idem sit virtus et auctoritas eius*» — добродетель (*virtus* — не только «сила», но и «доблесть», и «добродетель») и авторитет монарха одно и то же. Мы можем заметить, что одна из центральных римских добродетелей (*virtus*), тесно связанная с идеей принципата, у Данте становится тождественна *auctoritas* императора. Это еще раз подтверждает мысль, что власть *princeps*/монарха/императора в первую очередь зависит от его личных качеств, готовности существовать ради других, тем самым быть первым слугой.

Но каким образом человек может достичь необходимых для правления добродетелей? Необходима ли здесь божественная благодать — чудо, возводящее императоров на их трон, или есть иной, более секулярный путь? Ответ Данте дает в своей «Божественной комедии». Восходя к Чистилищу, Данте встречает Катона — образ гражданских добродетелей⁶⁴, который говорит Вергилию смыть с глаз поэта пелену, тем самым аллегорически сказано о познании этих добродетелей, и только после этого герой оказывается у врат в Чистилище. Даже после преодоления врат Вергилий остается

⁶³ Каролингский поэт IX века Седулий Скот на одной и той же странице пишет: «*Res etenim publica tunc suo initio pulcherrime consecratur, cum regia sollicitudo et sacra devotione sancto superni regis timore simul et amore accenditur, cumque de gloriosa ecclesiae utilitate provido consilio procuratur, ut, quem regalis purpura ceteraque regni insignia exterius condecorant, eundem laudabilia vota erga Deum et sanctam eius ecclesiam interius perornent, quia nimirum ad temporalis regni fastigium tunc insigniter ascenditur, cum de omnipotentis regis gloria et honore pio studio pertractatur*». И далее происходит замена: «*Pius itaque princeps summi dominatoris omnium voluntati et sanctis praeceptis oboedire magneperere studeat, cuius superna voluntate atque ordinatione se ad culmen regiminis ascendisse non dubitat, testante apostolo qui ait: «non est potestas nisi a Deo; quae autem a Deo sunt, ordinatae sunt»*». Sedulius Scottus Liber de rectoribus Christianis // Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters herausgegeben von Ludwig Traube Erster Band, erstes Heft. München Minerva G.M.B.H., 1906. S. 22.

⁶⁴ Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегинной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — С. 600. А. Л. Доброхотов интерпретирует фигуру Катона как волю к свободе. Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. — М.: Мысль, 1990. — С. 126. Однако Катон Утический — это еще и ярчайший образ республиканца, для которого свобода — не единственная добродетель.

проводником, к которому то и дело обращается с вопросами Данте, очевидно, что на протяжении всей комедии Вергилий не просто «учитель», а образ разума, ведущего человека правильным путем, но лишь до тех пор, пока хватает его сил, поэтому у врат Рая Вергилий останавливается⁶⁵. Особое внимание здесь следует обратить именно на заключительные строки: «Свободен, прям и здрав твой дух; во всем / Судья ты сам; я над самим тобою / Тебя венчаю митрой и венцом»⁶⁶. Подходя к воротам Рая, Данте посредством земного разума достигает добродетелей двух миров — светского и духовного, что символизируют митра и венец. По поводу этих строк Э. Канторович утверждал, что Данте стал Адамом до грехопадения⁶⁷. Осознавая некоторую преувеличенность, все же назовем вывод Данте отчасти реформаторским, поскольку человек способен вне церкви стать достойным Рая. Если человеческий разум способен решить такую проблему, то что ему мешает познать и следовать добродетелям *principes*? Потенциально каждый может стать главой всемирной империи с согласия всего человеческого рода, ведь неслучайно в «Пире» Данте оспаривает тезис о врожденности добродетели и отстаивает положение, согласно которому благородство приобретается, а не наследуется⁶⁸.

Подводя итоги анализа политической философии Данте, следует начать с того, что было доказано, что Данте обосновал существование секулярного мира, полностью независимого от церкви. Из этого следует секуляризация политики, и особенно этот процесс затронул такое основное политическое понятие, как власть, потерявшее духовные коннотации и священный ореол. Император не милостью божьей, а вследствие природной необходимости — мира и порядка, которые как средства ведут человеческое общество к конечному земному блаженству. Принципиально важно обратить внимание, как меняется аргументация — роль Священного писания сводится к минимуму и уступает свое место другим авторитетам — Аристотелю, Боэцию, Фоме Аквинскому. Данте старается обходить вопросы, связанные с избранием императора и его властью, поскольку более всего его заботит задача доказать, что император необходим человечеству. Однако ряд мест, как и политический словарь Данте, позволяет представить более полную картину. Как мы помним, Данте называет монархию, управляющую человечеством, принципатом, а самого монарха/императора — *principes*. Исследование истории понятия *principes* показало, что принципсом может стать частный человек благодаря всеобщему согласию — Данте также утверждает, что «согласие всех смертных», наравне с волей божьей, может быть источником власти императора. Принципс — это человек, выделяющийся знатностью, добродетелями и мудростью, от этого зависит его *auctoritas*, и

⁶⁵ Такой интерпретации фигуры Вергилия придерживается Э. Х. Канторович. Там же. С. 620. Согласно А. Л. Доброхотову встреча Данте с Вергилием символизирует опору души на земной разум. Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. — М.: Мысль, 1990. — С. 95. В немецкоязычных исследованиях эта интерпретация принимается по умолчанию см. Wilhelm J. Dantes Führer durch die Jenseitsreiche. // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 20/21. Weimar. Gutenberg Buchdruckerei VEB, 1951. S. 114.

⁶⁶ Божественная комедия / Пер. М. Лозинского; Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; Примеч. И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского; Ил.: С. А. Данилов. — М.: Наука, 1967. — С. 279.

⁶⁷ Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серединой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 620.

⁶⁸ Данте Алигьери. Пир // Малые произведения. — М.: Наука, 1968 — С. 208.

это же дает основание для его признания в обществе. В отличие от древних римлян Данте полагал, что причину знатности и благородства следует искать не в достойных потомках, а в добродетелях, которые культивирует человек здесь и сейчас. Задача, стоящая перед монархом, без всяких преувеличений, колоссальна и требует быть выдающимся человеком, который добровольно соглашается существовать ради других. Здесь очевидна корреляция между добродетелями человека и возможностью стать первым среди всех равных людей — стать монархом или принцепсом. И потому не случайно Данте сближает понятия *virtus* и *auctoritas*. В завершающей части разбора мы попытались показать, что исходя из логики «Божественной комедии» можно доказать, что любой человек может стать достойным *prinсers* без божественного вмешательства, опираясь на свой разум.

Завершить эту работу следует тем, что изложенная интерпретация не ставит своей целью представить Данте республиканцем или демократом, подобные прочтения возникали уже в эпоху Ренессанса⁶⁹, однако очевидно, что подобные оценки не выдерживают критики. Проект всемирной монархии Данте обходится без постоянного вмешательства людей в дела управления. Да и само слово «управление» здесь некорректно, поскольку служение принцепса ограничивается ролью судьи над нижестоящими правителями. Фигуру монарха следует рассматривать как гаранта того, что имеющиеся разногласия не перерастут в конфликты и будут решены властью императора. Провести параллели с современностью не сложно, а вот найти что-то похожее во времена самого Данте невозможно, ведь существующая империя с ее германскими императорами не объединяла весь христианский мир, многие короли Европы не подчинялись императорам, поэтому говорить о третейском судье, увенчанном имперской короной, нет смысла. Не понимал ли это Данте? Если судить по его политической жизни, то не остается сомнений, что поэт обладал тонким чувством «политической материи». Еще в первой книге «Монархии» он подчеркивал, что стремится сказать новое, поскольку повторять уже доказанное Аристотелем не имеет смысла⁷⁰. Данте не стремился создать еще один полемический трактат против гвельфов, как и не стремился занять сторону гибеллинов — путь Данте оригинален. Он не довольствуется существующей традицией трактатов, направленных на обоснование/опровержение абсолютной власти германского императора или римского понтифика. Не удовлетворяют его и некоторые выводы Фомы Аквинского, хотя, несомненно, влияние последнего огромно⁷¹. «Монархия» Данте демонстрирует новый политический проект, в котором старая теократическая модель правителя и его власти существенно ограничена, «священное тело» средневекового правителя постепенно перестает играть роль в политической философии.

---

⁶⁹ См. Roddewig M. Cäsar oder der Tyrannenmord aus der Sicht von Dante, Michelangelo und Donato Giannotti. // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 53/54. Wien. Böhlau Verlag, 1979. S. 73–103.

⁷⁰ Данте Алигьери. Монархия. / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — С. 21–22.

⁷¹ Winklehner B. Originalität und geschichtliche Gebundenheit im politischen Denken Dantes. // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 64. Wien. Böhlau Verlag, 1989. S. 122–123.

Литература

1. Августин Блаженный. О Граде Божием. Книги I–XIII / Творения: В 4 т. Т. 3. — СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 595 с.
2. Августин Блаженный. О Граде Божием. Книги XIV–XXII / Творения: В 4 т. Т. 4. — СПб.: Алетей; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. — 585 с.
3. Баткин Л. М. Данте и его время. Поэт и политика. — М.: Наука, 1965. — 197 с.
4. Бессмертный Ю. Л. Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. — М.: Наука, 1991. — 235 с.
5. Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского; Изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов; Примеч. И. Н. Голенищева-Кутузова и М. Л. Лозинского; Ил.: С. А. Данилов. — М.: Наука, 1967. — 686 с.
6. Данте Алигьери. Малые произведения. — М.: Наука, 1968. — 651 с.
7. Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В. П. Зубова; Комментарии И. Н. Голенищева-Кутузова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц» — «Кучково поле», 1999. — 192 с.
8. Доброхотов А. Л. Данте Алигьери. — М.: Мысль, 1990. — 207 с.
9. Жильсон Э. Данте и философия / Пер. с французского Г. В. Вдовиной. — М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. — 384 с.
10. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. — 752 с.
11. Кром М. М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с.
12. Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 414 с.
13. Тацит. Анналы. Малые произведения / Сочинения: в 2 т. Т. 1. — СПб.: «Наука», 1993. — 443 с.
14. Хрестоматия по истории Древнего Рима: Учеб. пособие для вузов по спец. «История» / Сост.: И. А. Гвоздева, И. Л. Маяк, А. Л. Смышляев и др.; под ред. В. И. Кузинщина. — М.: Высш. шк., 1987. — 431 с.
15. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах / Пер. с лат. / Изд. подгот. И. Н. Веселовский [и др.]. — М.: Наука, 1966. — 224 с.
16. Шпрандель Р. «Индивид и группа в эпоху чумы» / Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: В 2 кн. / Отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2003. — С. 292–303.
17. Ciceronis M. T. De re publica, De legibus. Cato Maior De senectute. Laelius De Amicitia / Ed. by J. G. F. Powell. Oxford Classical Texts. Oxford: Oxford University Press, 2006. 390 p.
18. Dante Alighieri. Opere minori Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. 880 p.
19. Dante: Monarchy (Cambridge Texts in the History of Political Thought) / Ed. by Prue Shaw. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 121 p.

20. *Patrologiae cursus completus. Tomus XLI. S. Aurelii Augustini. Accurante J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum. 1845. 872 p.*
21. *Princeps // Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike / hrsg. Von Hubert Cancik und Helmuth Schneider. Bd. 10. Pol-Sal. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 328–330.*
22. *Princeps // Paulys Realenzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 22. Stuttgart. Alfred Druckenmüller Verlag, 1954. S. 1998–2311.*
23. Roddewig M. *Cäsar oder der Tyrannenmord aus der Sicht von Dante, Michelangelo und Donato Giannotti // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 53/54. Wien. Böhlau Verlag, 1979. S. 73–103.*
24. *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana. Editio C. Tauchnitii stereotypa novis chartis impressa. Lipsiae: Sumptibus succ. O. Holtze, 1892. 164 p.*
25. *Tacitus Cornelius Historiae / Ed. by Erich Koestermann. Tom. II. Fasc. I. Leipzig. B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1969. 274 S.*
26. Wilhelm J. *Dantes Führer durch die Jenseitsreiche // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 20/21. Weimar. Gutenberg Buchdruckerei VEB, 1951. S. 106–129.*
27. Winklehner B. *Originalität und geschichtliche Gebundenheit im politischen Denken Dantes // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 64. Wien. Böhlau Verlag, 1989. S. 111–134.*

References

1. Aurelius Augustinus. “O Grade Bozhiem” [The City of God], Books I–XIII, in: *Tvorenija* [Works], 4 Vols., Vol. 3. St. Petersburg: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 1998. 595 p. (In Russian.)
2. Aurelius Augustinus. “O Grade Bozhiem” [The City of God], Books XIV–XXII, in: *Tvorenija* [Works], 4 Vols., Vol. 4. St. Petersburg: Aletejja; Kiev: UCIMM-Press, 1998. 585 p. (In Russian.)
3. Batkin L. M. *Dante i ego vremja. Pojet i politika* [Dante and his time: Poet and politics]. Moscow: Nauka, 1965. 197 p. (In Russian.)
4. Bessmertnyj Ju. L. *Zhizn' i smert' v srednie veka: Oчерki demograficheskoj istorii Francii* [Life and Death in the Middle Ages. Essays on the Demographic History of France]. Moscow: Nauka, 1991. 235 p. (In Russian.)
5. Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonah.* [Dialogues. On the Commonwealth. On the Laws.] Moscow: Nauka, 1966. 224 p. (In Russian.)
6. Ciceronis M. T. *De re publica, De legibus. Cato Maior De senectute. Laelius De Amicitia / Ed. by J. G. F. Powell. Oxford Classical Texts. Oxford: Oxford University Press, 2006. 390 p.*
7. Dante Alighieri. *Bozhestvennaja komedija* [Divine Comedy]. Moscow: Nauka, 1967. 686 p. (In Russian.)
8. Dante Alighieri. *Malye proizvedenija* [Minor works]. Moscow: Nauka, 1968. 651 p. (In Russian.)
9. Dante Alighieri. *Monarhija* [Monarchy]. Moscow: «KANON-press-C» «Kuchkovo pole», 1999. 192 p. (In Russian.)

10. Dante Alighieri. *Opere minori* Vol. II. Torino Unione tipografico-editrice Torinese, 1986. 880 p.
11. Dante: *Monarchy* (Cambridge Texts in the History of Political Thought) / Ed. by Prue Shaw. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 121 p.
12. Dobrohotov A. L. *Dante Alig'eri* [Dante Alighieri]. Moscow: Mysl', 1990. 207 p. (In Russian.)
13. Gilson E. *Dante i filosofija* [Dante and Philosophy]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2010. 384 p. (In Russian.)
14. *Hrestomatija po istorii Drevnego Rima* [Anthology on the history of ancient Rome], ed. by I. A. Gvozdeva, etc. Moscow: Vyssh. shk., 1987. 431 p. (In Russian.)
15. Kantorovich Je. H. *Dva tela korolja. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii* [The King's Two Bodies A Study in Medieval Political Theology], trans. by M. A. Bojcov, A. Yu. Seregina. Moscow: Izd-vo Instituta Gajdara, 2015. 752 p. (In Russian.)
16. Krom M. M. *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaja Rus' XV–XVI vekov* [The Birth of the State: Muscovite Russia in the XV–XVI centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 256 p. (In Russian.)
17. *Patrologiae cursus completus. Tomus XLI. S. Aurelii Augustini*. Accurante J.-P. Migne. Lutetia Parisiorum. 1845. 872 p.
18. *Princeps // Der neue Pauly: Enzyklopädie der Antike* / hrsg. Von Hubert Cancik und Helmuth Schneider. Bd. 10. Pol-Sal. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2001. S. 328–330.
19. *Princeps // Paulys Realenzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. 22. Stuttgart. Alfred Druckenmüller Verlag, 1954. S. 1998–2311.
20. *Rimskie istoriki IV veka* [Roman historians of the IV century], ed. by M. A. Timofeev. Moscow: «Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija» (ROSSPJeN), 1997. 414 p. (In Russian.)
21. Roddewig M. *Cäsar oder der Tyrannenmord aus der Sicht von Dante, Michelangelo und Donato Giannotti*. // *Deutsches Dante-Jahrbuch*, Bd. 53/54. Wien. Böhlau Verlag, 1979. S. 73–103.
22. *Sexti Aurelii Victoris Historia Romana. Editio C. Tauchnitii stereotypa novis chartis impressa*. Lipsiae: Sumptibus succ. O. Holtze, 1892. 164 p.
23. Shprandel' R. “Individ i gruppa v jepohu chumy” [The Individual and the Group in the Age of Plague], in: *Homo Historicus: K 80-letiju so dnja rozhdenija Ju. L. Bessmertnogo: V 2 kn.* [Homo Historicus: To 80th anniversary of the birth of Yu. L. Bessmertny: in 2 books], ed. by A. O. Chubar'yan. Moscow: Nauka, 2003. Pp. 292–303. (In Russian.)
24. *Tacitus Cornelius Historiae* / Ed. by Erich Koestermann Tom. II. Fasc. I. Leipzig. B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1969. 274 S.
25. Tacitus. “Annaly. Malye proizvedenija” [The Annals. Minor works], in: *Sochinenija: v 2 t. T. I.* [Complete works: in 2 vols. Vol. 1.] St. Petersburg: «Nauka», 1993. 443 p. (In Russian.)
26. Wilhelm J. *Dantes Führer durch die Jenseitsreiche* // *Deutsches Dante-Jahrbuch*, Bd. 20/21. Weimar. Gutenberg Buchdruckerei VEB, 1951. S. 106–129.

27. Winklehner B. Originalität und geschichtliche Gebundenheit im politischen Denken Dantes // Deutsches Dante-Jahrbuch, Bd. 64. Wien. Böhlau Verlag, 1989. S. 111–134.

The figure of the monarch in the political philosophy of Dante Alighieri

Zhulev V. V.,
Master of Philosophy (RSUH),
wladislawking@gmail.com

Abstract: The purpose of this article is to analyze the figure of the monarch presented in Dante's "De Monarchia". The study of Dante's political project will provide us with an opportunity to see the shifts in intellectual environment of the late Middle Ages through the evolution or perhaps return from the theocratic model to the earlier pre-Christian concept of the ruler. The study of Dante's political lexicon will demonstrate the revival of the original meanings starting to challenge and shift the consensus of the political philosophy at the time.

Keywords: secularization, ethics, politics, princeps, auctoritas, virtus.